

Бурова Ирина Игоревна

*докт. филол. наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
irinaburova2016@yandex.ru*

«РУИНЫ ВРЕМЕНИ»: ПОЭМА-ПАМЯТНИК В КОНТЕКСТЕ «ВЕРГИЛИЕВА КАНОНА» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДМУНДА СПЕНСЕРА

В статье представлен анализ жанровой природы поэмы Э. Спенсера «Руины времени» в контексте философско-религиозных и поэтико-стилевых исканий английской ренессансной литературы.

Ключевые слова: английская поэзия; литературный памятник; «Руины времени»; Филип Сидни; Эдмунд Спенсер.

Распространена точка зрения, что открывающая сборник «Жалобы» (1591) поэма «Руинам времени» создавались механическим соединением ранее написанных стихотворений [1], однако существует возможность ее прочтения как единого целого, отражающего размышления поэта о бренности земной жизни, способах увековечить память о достойнейших из людей и, соответственно, о роли, которую может сыграть в этом поэзия.

В первой части, собственно ламентации, *genius loci* Верлама оплакивает прходящесть всего сущего, закат не только Веруламия, но и всей античной цивилизации. О ее любимом городе помнят только благодаря Кэмдену, труд которого спас его от забвения. Так в поэме возникает восходящая к Горацию идея литературного памятника, получающая развитие в центральной части. Однако, в отличие от Горация, видевшего в поэзии памятник поэту, Спенсер стремится увековечить достойного современника.

Автор уже имел опыт в области эпидейктической риторики [2, с. 204–205], воспев в апрельской эклоге «Пастушеского календаря» Элизу-Елизавету I, в описании которой в духе платоновской концепции подчеркивается единство красоты и добродетели. Создавая памятник Филипу Сидни в «Руинах времени», Спенсер не отказывается от эпидейктической стилистики, но при этом следует аристотелевой концепции похвалы как «способа изъяснять величие добродетели какого – либо человека» и назидания [3, с. 135].

Элегическая центральная часть «Руин времени» приобретает оттенок видения, усиливающийся изображением небесного апофеоза Филиппа Сидни. Смерть поэта, его жизнь, отданная служению родине и защите истинной веры, позволяет Спенсеру уподобить покойного Христу–воителю. Героическая самоотверженность Сидни (РВ, ст. 295–301) должна стать примером для подражания. Одновременно Спенсер представляет Сидни как нового Орфея, превосходящего по степени дарования мифического поэта, и дает ему необычайно высокую оценку как пасторальному поэту (РВ, ст. 323–328). Очевидно, что уподобление Сидни Христу и Орфею – дань средневековой интерпретации мифа об Орфее как аллегории сопшествия Христа из высшего мира в низший, чтобы даровать его обитателям жизнь вечную [4].

Образ Сидни появляется и в серии «преджентов», которыми завершаются «Руины времени». В первых шести «преджентах» приводятся примеры бренности всего сущего, в остальных описывается противонаправленное движение элементов земного мира, когда имеющее истинную ценность возносится в горний мир. Исполнив свою последнюю песнь, прекрасный лебедь (*cugnus*—*cugne*—Сидни) поднимается в небеса и превращается в созвездие. Возносится не материальное

тело как таковое, а то прекрасное и нетленное, что с ним ассоциируется, чистота и красота.

Лира, упоминающаяся во втором «педженте» второй серии, связана с образом лебедя двояко. По Овидию, голова и лира растерзанного вакханками Орфея были подхвачены водами реки Гебр, которая вынесла их на «метимнейского Лесбоса брег» (Мет., 11. 50–55), родину «лесбосских лебедей» Сафо и Алкея. При этом в небе северного полушария созвездие Лебедя соседствует с созвездием Лиры, в которое, по Спенсеру, превращается возносящаяся на небо лира, в земной жизни принадлежавшая величайшему из поэтов Филисиду – Филипу Сидни.

В следующем «педженте» упоминается звезда, блестящая ярче других и ассоциирующаяся с поэтическими самоназваниями Сидни (Филисид, Астрофил). В нее воплощается бесценное содержимое эбенового ларца – гроба Сидни. В ассоциативном ряду «Лебедь – Лира – ослепительная звезда» последняя представляется Вегой, находящейся в созвездии Лиры [5, с. 152]. Так поэтическое «я» Сидни получает заслуженную прописку в эмпирее. Однако античные ассоциации «орфического» плана характеризуют лишь одну сторону личности Сидни, поэтому в заключительных «педжентах» второй серии они дополняются христианскими. Четвертый «педжент» соотносится с текстом «Откровения Иоанна Богослова» (Откр. 19:7). В пятом и шестом «педжентах» христианские и античные мифологические мотивы предстают уже в приготливом хитросплетении (Сидни–Персей, Сидни–защитник веры, рыцарь на белом коне), образуя многослойные метафоры. Израненный, как Сидни после трагедии в Зутфене, рыцарь – Персей, он же защитник веры, взлетает на Пегасе в небеса, где оба превращаются в созвездия. В заключительном видении Меркурий, играющий в греческом пантеоне богов роль проводника мертвых душ, возносит прах покойного на небеса.

Сетования Верламы и видения первой серии «педжентов» иллюстрируют уязвимость земных, материальных монументов, тогда как поэзия и небеса даруют вечную славу.

Сидни был дорог Спенсеру не только как любимец его покровителей, но и как поэт – единомышленник, стремящийся доказать возможности национальной поэзии. Глубокое уважение к памяти Сидни, которое испытывал Спенсер, отразилось не только в «Руинах времени», но и в изысканном комплименте поэту в поэме «Возвращение Колина Клаута», а также в созданных к десятилетию со дня смерти Сидни траурных элегиях «Астрофел» и «Скорбная песнь Клеринды».

Ключевая идея образа Сидни у Спенсера оказывается неразрывно связанной с его собственным представлением о необходимости соблюдения «вергилиева канона» в эволюционном превращении поэта пасторального в поэта героического, осмыслением увековечивающей роли поэзии и поисками поэтических средств создания литературных памятников достойнейшим из смертных.

Библиографический список

1. Rasmussen, C. J. Spenser's «Ruines of Time» / C. J. Rasmussen // Spenser Studies. – 1981. – № . 4. – P. 159–181.
2. DeNeef, A. L. Epideictic Rhetoric and the Renaissance Lyric / A. L. DeNeef // Journal of Medieval and Renaissance Studies. – 1973. – № . 3. – P. 204–205.
3. Аристотель. Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 5–80.
4. Friedman, J. Orpheus in the Middle Ages / J. Friedman. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970. – 247 p.